Воспитание культурной традицией: автор и герои «Слова о полку Игореве» в контакте с читателями-школьниками

Пугач Вадим Евгеньевич – канд. пед. наук, доцент Института педагогики Санкт-Петербургского государственного университета; vadim_pugach@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматривается роль культурной традиции в воспитании школьников, установлении контакта с автором и героями литературного произведения при изучении «Слова о полку Игореве». Представлен опыт реализации собственной программы «Автор – герой – читатель» для 9–11-х классов, которая внедрена в практику на базе гимназии № 92 Выборгского района г. Санкт-Петербурга и охарактеризована в ряде публикаций и выступлений на конференциях различного уровня. Делается вывод о том, что постоянное движение «от героя к себе» и «от себя к герою», от истории к современности и от современности к истории способствует установлению личностно окрашенного контакта читателей-школьников с национальной культурной традицией.*

Ключевые слова. *Культурная традиция, национальная культура, художественная литература, воспитание школьников, программа «Автор – герой – читатель», литературный жанр, метафора, язычество, христианство, риторика, фольклор.*

Значимость и незаменимость культурной традиции в воспитании очевидны. Национальная культура во всем ее объеме – основа воспитания и образования как единого процесса. Именно на этом фундаменте происходит становление «человека культуры» [1, с. 337]. Однако культурное наследие по вполне объективным причинам далеко не всеми (и даже очень немногими, несмотря на повсеместное распространение лозунгов об обращении к корням) воспринимается как безусловная, личностно значимая ценность. Эти объективные причины связаны, на наш взгляд, во-первых, с типом культуры, ориентированным на будущее, который вслед за М.Мид мы называем префигуративным[1] [2], а во-вторых, с широкой популярностью динамических мифов[2]. И дело не в содержании этих мифов (например, о светлом будущем и т.п.), а именно в готовности в них верить. Прошлое не становится нашим помощником, теряет в наших глазах свою безусловную ценность. Для учителей, так или иначе вынужденных знакомить школьников с опытом прошлого, в этом заключается трудность, которую приходится преодолевать за счет методических ухищрений.

Древнерусская литература (как во многом и классическая русская литература) очень далека от интересов современных старшеклассников, однако интерес к созданным много столетий назад текстам, таким как «Слово о Полку Игореве» (1185), едва ли возникнет без хотя бы минимального их понимания и попытки связать с личностью читателя-ученика.

Разработанная нами программа «Автор – герой – читатель» для 9–11-х классов включает около 50 занятий. На первом

[1] В *префигуративном типе культуры* преобладающей моделью поведения для людей оказывается поведение младшего поколения (о типе культуры)

[2] *Динамический миф* – миф о том, что должно произойти в будущем.

идет речь об авторе и героях «Слова…». Занятие начинается с небольшого *обращения к школьникам* (каждый модуль программы состоит из такого предисловия-обращения, презентации и пакета заданий).

«С неизвестным автором “Слова о полку…” нас разделяют более восьми веков. Кроме того, это произведение написано на языке, который непонятен не только ученикам девятого класса, но отчасти и всезнающим ученым-лингвистам, тем более что они имеют дело не с оригиналом (речь идет даже не об оригинале рукописи XII в., а о гораздо более позднем списке, сгоревшем в 1812 г.). Как же сквозь эту толщу времени и событий пробиться к автору, понять его отношение к героям? Пользуясь многочисленными переводами «Слова о полку…» на современный русский язык, попробуем по ходу занятия ответить на следующие вопросы:

– Для чего автор упоминает в зачине “Слова…” Бояна? Кто такой этот Боян, и как его образ соотносится в наших представлениях с образом самого автора? Почему автор противопоставляет себя поэтической традиции, если в средние века было принято опираться на авторитет предшественников?

– Можно ли установить параллели между отношением к событиям “Слова…” автора и одного из героев – киевского князя Святослава? Насколько убедительна версия, что автором “Слова…” мог быть сам Святослав?

– Имеет ли образ жены Игоря Ярославны историческое соответствие, или он полностью навеян автору фольклорной традицией?

– Как относится автор к главному герою “Слова…” – князю Игорю?

Отвечая на эти и другие вопросы, возникающие в течение занятия, не забудем, что представления автора “Слова…” о мире существенно отличались от наших. Мы, например, воспринимаем этот текст как художественное произведение, а в XII в., даже при наличии разветвленной системы фольклорных и книжных жанров, самого понятия художественной литературы не существовало. Все указывает на то, что автор был уверен в полном соответствии своего повествования исторической правде. К тому же он писал для современников, которые сами были свидетелями событий, изложенных в “Слове…”. Но литература невозможна без вымысла, а понятие правды за восемь столетий тоже существенно изменилось. Разберемся ли мы в этих противоречиях, зависит только от нас».

А теперь попытаемся обговорить часть вопросов и заданий в логике соотнесения гипотетического автора «Слова…» и основных персонажей – певца Бояна, киевского князя Святослава, Ярославны и самого Игоря.

1. ***Автор и Боян: почему автор дистанцируется от Бояна?*** Автора «Слова о полку Игореве», бывает, представляют в образе легендарного Бояна – с гуслями, на струны которых он «воскладает» свои музыкальные пальцы. Однако начинается «Слово…» как раз с противопоставления автора этому герою: «Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову»[3] [3, с. 36]. На свой риторический вопрос автор дает полемический ответ: нет, он будет петь (идет ли речь об исполнении этого текста с музыкальным сопровождением?) о другом и, вероятно, иначе. И это «иначе» сказывается в метафорах, которые идут на создание Боянова образа: «Ведь Боян вещий, если хотел кому песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками» [3, с. 36].

В толковании этой странной метафоры («растекался мыслию по древу») уче-

[3] Цитаты приводятся по прозаическому переводу О.В.Творогова.

ные и поэты обычно расходятся. Ученые твердо стоят за «мысль», которая, правду говоря, не очень укладывается в поэтический ряд вместе с волком и орлом и выглядит странной даже со скидкой на загадочное древнерусское мышление. Поэты (например, А.Н.Майков, К.Д.Бальмонт) склоняются к «мыси» [4, с. 491; 5, с. 469], которая в некоторых диалектах русского языка сохраняет значение «белки». Растекающаяся по дереву белка – красивый и понятный образ (учтем, что «течь» устойчиво означало «передвигаться»; сравним: «И он послушно в путь потек…» из пушкинского «Анчара»), но ученые упорно настаивают на «мысли».

Интересно, что в книге французского историка-медиевиста Л.Мулена, едва ли напряженно размышлявшего над поэмой безымянного русича, приведена реклама вина (средневековые монахи не только изготавливали вино, но и сочиняли рекламные тексты), относящаяся к временам св. Бернара, то есть к середине XII в.: «Достойное, изысканное, крепленое вино, текущее, как белка по стволу дерева…» [6, с. 115]. Случайное совпадение? И век тот же? А не было ли сравнение легкого и быстрого движения с белкой, растекающейся по дереву, общим местом средневекового образного репертуара? Русь ведь еще не была вовсе оторвана от Европы и до монголов находилась с ней в одном культурном пространстве.

Итак, представим, что речь все же идет о белке. Тогда возникает понятная конструкция: внизу – волк, наверху – орел, между ними – дерево, по которому «растекается» белка. Но что это за дерево? В скандинавской мифологии волк – хтоническое животное, связанное с подземным миром; орел, напротив, связан с солнечными божествами; дерево Иггдрасиль[4] – древо жизни, собственно человеческий мир. Вот по нему-то и скачет белка.

Но и белка не так уж проста, особенно если она «мысь». Тут нам предстоит путешествие в глубокую древность и в Малую Азию [7]. Архаичные греческие мифы связывают «солнечного» Аполлона с мышами. Именно с помощью маленьких грызунов он стал «стреловержцем», насылателем чумы. Зооморфный облик Аполлона Сминфея (Мышиного) – мышь (σμίνθος). Как мыши затем обернулись музами, мусами, а в славянском изводе мысями и вновь обрели первоначальный вид – отдельная таинственная история. По-гречески слово «мышь» не слишком напоминает слово «муза». Но не стоит заниматься сомнительными этимологическими упражнениями. Зафиксируем только, что, когда облик Аполлона и его божественные функции несколько облагородились и растеряли свою архаику, бывшие грызуны могли трансформироваться в прелестных дев-вдохновительниц, как это обычно происходило с языческими божествами, теряющими зооморфный и приобретающими антропоморфный облик. М.А.Волошин в одной из своих статей обращает внимание на загадочные связи Аполлона с мышами [8, с. 96–111].

Могла ли стремительная белка сравниваться с человеческой мыслью? А почему нет? Помирим поэтов и ученых на том, что белка – буквальный образ, а летящая мысль – переносное значение белки, тем более, если это мысль поэтическая. А уж если они еще и фонетически близки, то есть все основания думать, что выбор двусмысленного слова не случаен. Поэт и переводчик «Слова…» А.Чернов обратил внимание на то, что текст поэмы насквозь

[4] *Иггдрасиль* (Игдразил, Yggdrasil) – мировое дерево в германо-скандинавской мифологии. Это исполинский ясень, представляющий вселенную, его ветви и корни связывают воедино девять миров. Древо олицетворяет идею, что все бытие взаимосвязано: если где-то в верхних ветвях происходит событие, оно отзывается в нижних корнях.

пронизан созвучиями и внутренними рифмами, то есть, в сущности, написан средневековым аллитерационным стихом[5] – таким же, как, например, древнеанглийский эпос [9, с. 92 – 93].

А теперь вернемся к Бояну и к конструкции из волка, белки-мысли, дерева и орла. Конструкция эта хорошо известна полуязыческому автору, благо русичи были исторически крепко связаны со скандинавами. Еще лучше ее знал Боян, к которому она и относится. Но автор «Слова…», несмотря на многочисленные отсылки к языческим образам, язычником себя не считает. Он христианин. И в этом, и в жанровой свободе он противопоставляет себя более архаичному Бояну, хотя, говоря о нем, выводит привлекательный и даже величественный образ.

Д.С.Лихачев в работе о «Слове…» [10, с. 172] отмечает три черты, присущие автору, которые для автора принципиальны: обращение к современности, а не к легенде, импровизация, свобода от жесткого фольклорного схематизма. Все это отличает его от «вещего» Бояна, от которого, увы, никаких текстов не сохранилось, не считая единственной цитаты в том же «Слове…»: «Ни хитрому, ни удачливому… суда божьего не избежать!» [3, с. 43]

Вышеизложенный материал методически может быть подан по-разному. Самый простой (но не лучший) способ – лекция с элементами беседы. Однако есть и другой вариант: класс делится на группы, которым раздаются упомянутые выше цитаты. Каждая группа должна выбрать одно из перевводческих решений образа: а) мысль; б) белка; в) белка-мысль. Коллективное мнение нужно аргументировать с помощью предоставленной или самостоятельно добытой информации.

2. Автор и Святослав: автор и персонаж или автор-персонаж? С киевским князем Святославом связан важный фрагмент «Слова…». В частности, ему приписана речь, посвященная походу Игоря: «Тогда великий Святъславъ изрони злато слово, слезами смешено…» [3, с. 31]. Цитируем по-древнерусски, чтобы вернуться к замечаниям А.Чернова [9] и обратить внимание на фонетическую инструментовку («ъ» произносился как короткое «о»): «*Святославо* изрони *злато слово*…» – какая богатая, глубокая, роскошная рифма! Плюс сгущение в соседних словах сочетаний *сл-зр-зл-сл-сл-см* – какая тонкая работа с аллитерацией!

Святославу доверено высказать важные для автора вещи. Собственно, так поступали все авторы европейской традиции: все речи исторических деятелей у Фукидида[6] и Тита Ливия[7] сочинены, все использованы для характеристики персонажей. То же делает и автор «Слова…». Так что можно не сомневаться: Святослав выражает авторскую точку зрения на Игорев поход. Но делать из этого вывод, что Святослав, возможно, и был автором, опрометчиво.

Более интересны поиски автора среди бояр Святослава – тех самых, которые между рассказанным князем сном и его «золотым словом» обращаются к нему с речью. Такие поиски были проведены академи-

[5] *Аллитерационный стих*, т.е. основанный на аллитерации: в каждой строке по меньшей мере два слова должны начинаться с одного и того же звука. Благодаря этому стихотворение получает четкий ритм, выделяются ключевые слова, создается особый музыкальный эффект. Таким стихом написаны, например, древнеанглийский «Беовульф», скандинавская «Старшая Эдда».

[6] *Фукидид* (ок. 460 – ок. 396 до н. э.) – древнегреческий ученый, основатель исторической науки, автор «Истории Пелопоннесской войны».

[7] *Тит Ливий* (59 до н.э. — 17 н.э.) – историк Древнего Рима, автор труда «От основания города», который является основным источником информации о ранней истории Рима и его становлении как великой державы.

ком Б.А.Рыбаковым [11] и даже увенчались успехом: он приписал «Слово…» некоему киевскому боярину Петру. Версия «автор "Слова…" – боярин Петр» заслуживает внимания. Автор, хотя и относится к Игорю как к высшему (Святослав, естественно, смотрит на племянника иначе), но видит его ошибки и сожалеет о них, как и Святослав; подобно Святославу, он смотрит на Русь как на некое единство и для него оно является ценностью: его мышление и его патриотизм лишены удельных черт; синтаксис и образность речи Святослава и авторской речи сходны, хотя лирическое начало у автора выражено ярче. Общее также связано с жанром плача, и в обоих случаях это плач не только по погибшим князьям и пленению Игоря, а по Русской земле, страдающей по вине Игоря и других подколенных князей. Определенно можно сказать, что в лексике Святослава нет никаких следов язычества (вера в сны не противоречит христианству, да и не придумал ли князь этот сон, чтобы навести бояр на определенные мысли?), он говорит больше как политик. Автор же – поэт по преимуществу – и политические взгляды Святослава оснащает образной вязью.

Отметим еще, что речь Святослава-политика – это «включение» риторики в поэму. Это нисколько не странно: понятие художественной литературы сформируется много позже, да и дидактики и риторики предостаточно даже в современной литературе – что уж говорить о XII веке! Однако «Слово…» – именно поэма. Справедливо пишет Д.С.Лихачев: «Автор ощущает себя говорящим, а не пишущим. Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение…» [10, с. 173].

Действительно, исходный жанр «Слова…» – плач, правда, очень трансформированный, вышедший за пределы фольклора, но это не ораторский, а лирический жанр. Лирика объединена с эпосом (батальные сцены, бегство и возвращение Игоря) и публицистикой (в древнерусской литературе «слово» – жанр публицистический), а все вместе составляет поразительную по художественной смелости и мощи поэму.

К беседе о князе Святославе приплюсуем *задание*, которое может быть при достаточном количестве часов выполнено в классе, но может быть домашним, а также дополнительным, предлагаться на выбор наряду с другими: «Подумайте о том, кто из других современников князя Игоря, кроме киевского князя Святослава, мог бы сказать о нем "золотое слово". Сочините речь, в которой поход Игоря оценивался бы а) другим русским князем; б) половецким ханом; в) дружинником Игоря; г) монахом-летописцем». Эффективным приемом может стать предложение представить себя героем исторического фэнтези (так называемым «попаданцем»[8]), с точки зрения которого приходится судить об Игоре.

3. Автор и Ярославна. Жанр фрагмента, который традиционно называется «Плач Ярославны», обозначен в самом этом названии. Мы уже транслировали мнение Д.С.Лихачева, что вся поэма тяготеет к фольклорному жанру плача, но не исчерпывается им. Плач встроен в повествование авторской фразой: «На Дунае[9]

[8] *Попаданец* – герой фантастического произведения, который по сюжету перемещается в прошлое, будущее, на другую планету, в параллельный мир или в мир художественного произведения, видеоигры. Чаще всего он оказывается во времени великих событий (войн, революций, катастроф и т. п.), повлиявших на ход истории.

[9] Есть разные версии, откуда в Путивле взялся Дунай. Наиболее распространенная трактовка этого слова – река вообще (славянские названия Дуная, Днепра, Дона, Двины, Десны явно имеют один корень – сравним со словом «дно», связанное со значениями «русло», «поток», «глубина»). Однако учтем: Ярославна – дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла, чьи владения простирались до нижнего Дуная.

Ярославнин голос слышится, чайкою[10] безвестною рано кличет».

Б.В.Сапунов [13] отмечает, что композиция плача соответствует структуре языческого заговора; причем сходство прослеживается не только в логике построения, но и в образности: повторах, олицетворении природных сил, постоянных эпитетах.

Сравним плач Ярославны из «Слова…» (авторский текст) и плач Ксении[11] (фольклорный текст гораздо более позднего времени – начала XVII в.). Этот анализ может быть осуществлен в форме фронтальной, групповой или самостоятельной работы с последующим обсуждением.

Плач Ярославны: *«На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкою безвестною рано кукует. "Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны на могучем его теле". Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: "О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты навстречу? Зачем мчишь хиновские стрелочкина своих легких крыльицах на воинов моего милого? Разве мало тебе было высоко под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю ты развеял?"*

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая:"О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы насады до стана Кобякова. Прилелей же, господин, моего милого ко мне, чтобы не слала я к нему слезы на море рано".

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: "Светлое и трижды светлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно: зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи на воинов моего лады? В поле безводном жаждою им луки скрутило, горем им колчаны заткнуло?» [14].

Плач Ксении: *«Сплачетца мала птичка, белая пелепелка:"Ох-ти мне молоды горевати! Хотят сырой дуб зажигати, мое гнездышко разорити, мои малыи дети побити, меня пелепелку поимати".*

Сплачетца на Москве Царевна: "Ох-ти мне молоды горевати, что едет к Москве изменник, ино Гриша Отрепьев Рострига, что хочет меня полонити, полонив меня, хочет постритчи, чернеческой чин наложити! Ино мне постритчи ся не хочет, чернеческого чину не здержати: отворити будет темна келья, на добрых молодцов посмотрити. Ино, ох, милыи наши переходы! А кому будет по вас да ходити после царского нашего житья и после Бориса Годунова? Ах, милыи наши теремы! А кому будет в вас да седети после царского нашего жития и после Бориса Годунова?» [15, с. 252–253].

Несомненные сходства – это параллелизм «птица – женщина», а также другие приметы народной поэзии (тоническая система стихосложения, обращения с вопросами, восклицаниями, просьбами к олицетворенным персонажам, повторы и т.д.); упоминания исторических лиц и географических реалий и локаций. Сходны и темы: беспокойство о любимом муже у Ярославны и страх остаться без мужа в случае насильственного пострижения у Ксении.

Трудно сказать, насколько близок автор «Слова…» к фольклорному оригиналу (если он был): «вмешался» ли он в аутентичный текст плача или полностью сконструировал его по образцу народного. В любом случае исследование и сравнение этих двух текстов – интересная филологическая задача, которая может быть поставлена перед девятиклассниками. И прислушаемся к Лихачеву: «Автор "Слова" как бы цитирует плач Ярославны – приводит его в более или менее большом от-

[10] Другое прочтение слова «зегзица» – кукушка

[11] *Ксения Годунова*, в постриге – инокиня Ольга (1582–1622) – русская царевна, дочь царя Бориса Годунова и Марии Скуратовой-Бельской.

рывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать» [10; с. 174].

4. Автор и князь Игорь. Важным заданием является прослеживание отношения к Игорю по всем эпизодам «Слова…». Разобьем поэму на эпизоды (это можно предложить сделать ученикам):

1. Зачин.
2. Выступление Игоря в поход.
3. Первое столкновение с половцами.
4. Отступление автора.
5. Вторая битва с половцами.
6. Плач по Игорю.
7. Сон Святослава. Диалог с боярами.
8. Речь Святослава.
9. Обращение автора к князьям.
10. Плач Ярославны.
11. Побег Игоря.
12. Погоня за Игорем.
13. Возвращение Игоря. Слава князю.

Игорь, так или иначе, фигурирует во всех эпизодах, кроме зачина, причем события оцениваются с разных точек зрения: автора-повествователя, Святослава, его бояр, Ярославны, Овлура, реки Донца, Гзака с Кончаком.

А теперь сформулируем итоговое задание: «Внимательно проследив все эпизоды “Слова о полку Игореве”, где появляется князь Игорь, составьте подробный психологический портрет этого героя (охарактеризуйте его умственные и нравственные качества, широту кругозора, представления об ответственности, чести, о собственной роли и долге, его веру, его отношение к родине, соотечественникам, к близким, умение принимать решения) и дайте Игорю собственную оценку»[12].

Нет необходимости расписывать возможные варианты выполнения этого задания: ясно, что ответы должны быть строго индивидуальны.

Подведем итоги. Несколько испытанных методических приемов, приложенных к конкретному материалу, позволяют связать в сознании школьников текст древнерусской поэмы с их собственной картиной мира. Как это реализуется?

Во-первых, обучающиеся привлекаются к комментированию сомнительных мест; учитель предоставляет материал, но выводы они делают сами.

Во-вторых, происходит личностное включение в исторический контекст (задание про «попаданца»).

В-третьих, сравнительный анализ разновременных текстов (плачи Ярославны и Ксении), между которыми – более 400 лет, направлен на воспитание у современных школьников исторического мышления и осознания связи эпох.

В-четвертых, исторического героя (не забываем, что изображенного в художественном, с нашей точки зрения, произведении) предлагается оценить с сегодняшних позиций. Ученик наделяется ответственностью судьи.

Вот это постоянное движение «от героя к себе» и «от себя к герою», от истории к современности и от современности к истории и направлено на установление личностно окрашенного контакта читателей-школьников с национальной культурной традицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Библер В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997. 440 с.

2. *Бесчасная А.А.* Исследование префигуративных аспектов современного детства [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/issledovanie-prefigurativnyh-aspektov-sovremennogo-detstva/viewer.

3. Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. 495 с.

[12] Опыт нашей работы относится ко времени «до искусственного интеллекта». Если учитель сейчас обратится к нашим рекомендациям, он должен учитывать, что ученики часть заданий могут переадресовать ИИ (проверено, что ИИ справляется с такими заданиями сравнительно успешно). Тогда задачей ученика становится редактура и личная оценка героя.

4. *Майков А.Н.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1984. 576 с.

5. *Бальмонт К.Д.* Избранное. М.,1983. 750 с.

6. *Мулен Л.* Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века. М., 2002. 346 с.

7. Аполлон Сминфей: Мышиный бог Гомера и чумные стрелы (По мотивам статьи Т.Таниной «Аполлон Сминфей», с разрешения автора). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dzen.ru/a/Zsq96unvFEaZ-gta.

8. *Волошин М.А.* Аполлон и мышь. Лики творчества. Л., 1988. 848 с.

9. *Чернов А.Ю.* Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб., 2006. 480 с.

10. *Лихачев Д.С.* Избранные работы: в 3 томах. Ленинград, 1987. Т. 2: Великое наследие; Смех в Древней Руси; Заметки о русском. 1987. 493 с.

11. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.,1972. 520 с.

12. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. 608 с.

13. *Сапунов Б.В.* Ярославна и древнерусское язычество [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://feb-web.ru/feb/slovo/critics/s62/s62-321.htm.

14. Плач Ярославны (в подстрочном переводе Дмитрия Лихачёва [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://soulibre.ru/ Плач_Ярославны_(в_подстрочном_переводе_Дмитрия_Лихачёва).

15. Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия: учеб. пособие для пед. ин-тов / Сост. М.А.Вавилова, В.АВасиленко, В.И.Игнатов и др. М.,1987. 511 с.

Дата поступления – 14.06.2025

Education by means of cultural tradition: the author and the characters of "Words about Igor's Regiment" in contact with school readers

Vadim E. Pugach – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Institute of Pedagogy of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); vadim_pugach@mail.ru

Abstract. *The article examines the role of cultural tradition in the education of schoolchildren, establishing contact with the author and the characters of a literary work when studying "Words about Igor's Regiment". The article presents the experience of implementing the author's program "Author – hero – reader" for grades 9-11, which was put into practice at Gymnasium No. 92 in the Vyborg district of St. Petersburg and described in a number of publications and presentations at conferences of various levels. It is concluded that the constant movement "from the hero to oneself" and "from oneself to the hero", from history to modernity and from modernity to history contributes to the establishment of a personality-tinged contact of school readers with the national cultural tradition.*

Key words. *Cultural tradition, national culture, fiction, education of schoolchildren, the "Author – hero – Reader " program, literary genre, metaphor, paganism, Christianity, rhetoric, folklore.*

REFERENCES

1. *Bibler V.S.* Na granyax logiki kul`tury`. Kniga izbranny`x ocherkov [On the edges of the logic of culture. The book of selected essays]. Moscow, 1997. 440 p.

2. *Beschasnaya A.A.* Issledovanie prefigurativny`x aspektov sovremennogo detstva [The study of prefigurative aspects of modern childhood]. Available at: https://cyberleninka.ru/ article/ n/issledovanie-prefigurativnyh-aspektov-sovremennogo-detstva/viewer.

3. Voinskie povesti Drevnej Rusi [Military stories of Ancient Russia]. Leningrad, 1985. 495 p.

4. *Majkov A.N.* Sochineniya v dvux tomax. T. 1 [Essays in two volumes. Vol. 1]. Moscow, 1984. 576 p.

5. *Bal`mont K.D.* Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1983. 750 p.

6. *Mulen L.* Povsednevnaya zhizn` srednevekovy`x monaxov Zapadnoj Evropy`. X – XV veka [The daily life of medieval monks in Western Europe. X–XV centuries]. Moscow, 2002. 346 p.

7. Apollon Sminfej: My`shiny`j bog Gomera i chumny`e strely` (Po motivam stat`i T.Taninoj «Apollon Sminfej», s razresheniya avtora) [Apollo Smintheus: Homer's Mouse God and the Plague Arrows (Based on an article by T.Tanina's "Apollo Sminfey", with the author's permission)]. Available at: https://dzen.ru/a/Zsq96unvFEaZ-gta.

8. *Voloshin M.A.* Apollon i my`sh`. Liki tvorchestva [Apollo and the mouse. Faces of creativity]. Leningrad, 1988. 848 p.

9. *Chernov A.Yu.* Xroniki iznanochnogo vremeni. «Slovo o polku Igoreve»: tekst i ego okrestnosti [Chronicles of the wrong time. "The Word about Igor's regiment": the text and its surroundings]. St. Petersburg, 2006. 480 p.

10. *Lixachev D.S.* Izbranny`e raboty`: v 3 tomakh. Leningrad, 1987. T. 2: Velikoe nasledie; Smekh v Drevnej Rusi ; Zametki o russkom [Selected works: in 3 volumes. Leningrad, 1987. Vol. 2: The Great Legacy; Laughter in Ancient Russia; Notes on Russian]. Leningrad, 1987. 493 p.

11. *Ry`bakov B.A.* Russkie letopiscy` i avtor «Slova o polku Igoreve» [Russian chroniclers and the author of "Words about Igor's regiment"]. Moscow, 1972. 520 p.

12. *Ry`bakov B.A.* Yazy`chestvo drevnix slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, 1981. 608 p.

13. *Sapunov B.V.* Yaroslavna i drevnerusskoe yazy`chestvo [Yaroslavna and Ancient Russian paganism]. Available at: https://feb-web.ru/feb/slovo/critics/s62/s62-321-htm.

14. Plach Yaroslavny` (v podstrochnom perevode Dmitriya Lixachyova [Yaroslavna's Lament (in a foot-by-line translation by Dmitry Likhachev)]. Available at: https://soulibre.ru/ Plach_ Yaroslavny`_ (v_podstrochnom_perevode_Dmitriya_Lixachyova).

15. Russkoe narodnoe poe`ticheskoe tvorchestvo. Xrestomatiya: ucheb. posobie dlya ped. in-tov / Sost. M.A.Vavilova, V.AVasilenko, V.I.Ignatov i dr. [Russian folk poetry. Textbook: studies. a manual for pedagogical institutes / Comp. M.A.Vavilova, V.A.Vasilenko, V.I.Ignatov and others]. Moscow, 1987. 511 p.

Submitted – 14.06.2025